

ДИОН КАССИЙ

ИСТОРИЯ КЕСАРЕЙ

Тайны древнего Рима

Дион Кассий
История кесарей.
Тайны Древнего Рима
Серия «Весь мир»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70286293

ISBN 978-5-00222-233-9

Аннотация

Бесконечные войны, заговоры, мятежи, перевороты, жестокие пытки и казни; любовные интриги, распутство – всё это было неотъемлемой частью жизни Древнего Рима. Особенно бурно она протекала при первых императорах (кесарях), когда даже выдавшие виды римские жители приходили в ужас и изумление.

Дион Кассий – римский консул и историк, был одним из тех, кто описал эту жизнь во всех подробностях. Герои его книги – Тиберий, Калигула, Клавдий и Нерон показаны такими, какими они были на самом деле. Автору не пришлось ничего выдумывать: исторические факты превосходят самые безумные фантазии.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Тиберий. Начало правления	4
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дион Кассий

История кесарей.

Тайны Древнего Рима

Тиберий. Начало правления

1. Тиберий [1] был хорошо образованным патрицием, но имел особенную природу. Он никогда не позволял тому, чего желал, проявиться в разговоре, и если говорил, что к чему-то стремится, обычно вовсе этого не хотел. Наоборот, его слова указывали на прямо противоположное его действительным целям, он отрицал всякий интерес к тому, чего жаждал, и убеждал, что требует того, что ненавидел. Он мог проявить гнев по поводу вещей, очень далеких от того, чтобы вызвать его раздражение, и оказывать любезности, когда был более всего раздосадован. Он мог изображать милость к тем, кого сурово карал, и проявлять недовольство по поводу тех, кого миловал. Иногда он обходился со злейшими врагами как с самыми близкими товарищами, и вместе с тем обращался с самыми дорогими друзьями как с совершенно чужими. Короче говоря, он полагал, что для государя – негодный образ действий обнаруживать свои мысли; это часто бывало, говорил он, причиной больших неудач, тогда как противопо-

ложным путем быстрее достигались многие и великие успехи.

Однако, если бы он просто последовательно поступал таким образом, было бы легко тем, кто уже знал его, быть настороже относительно его, так как они могли бы понимать все вещи как прямо противоположные, рассматривая его кажущееся безразличие к чему-либо как соответствие его горячему желанию этого, и его стремление к чему-нибудь как тождественное отсутствию у него всякого интереса к этому. Но, на самом деле он приходил в гнев на всякого, кто обнаруживал понимание его, и многих приговорил к смерти за ту лишь обиду, что они постигли его. Тогда было опасно недостаточно понимать его – ибо люди часто попадали в беду, одобряя то, что он говорил, вместо того, что он желал – и было еще опаснее понимать его, ибо тогда люди подозревались в том, что разоблачили его способ действий и, соответственно, были недовольны им.

В действительности только один род людей, поэтому, мог сохранить себя, – а такие лица очень редки – те, кто никогда не ошибался в его природе и не обнаруживал этого другим, ведь, при таком условии, люди не обманывались, веря ему, и не вызывали ненависти, показывая, что понимают его побуждения. Он определенно причинил людям огромное количество бед и оттого, что они возражали тому, что он говорил, и оттого, что они соглашались с этим, ведь, поскольку он в действительности желал, чтобы было сделано одно, но

требовал, чтобы казалось, что желает нечто иное, он обречен был встречать людей, возражавших ему с какой-нибудь точки зрения, и потому к одним был враждебен из-за своих действительных мыслей, а к другим из приличия [2].

2. Вследствие этих особенностей случилось, что как император он немедленно отправил посланцев из Нолы во все легионы и провинции [3], хотя и не утверждал, что был императором, так как не хотел принимать этого звания, постановленного ему в числе других, и хотя принял наследство, оставленное ему Августом, не принимал именованя «Август».

В то время, когда он уже был окружен телохранителями, он в самом деле попросил сенат оказать ему помощь в том, чтобы он не столкнулся с насилием во время императорских похорон, ибо он изображал, что опасается, как бы народ не захватил тело и не сжег его на Форуме, как они сделали с Кесарем. Когда же кто-то остроумно предложил, чтобы ему выделили охрану, как будто у него никого не было, он распознал насмешку этого человека и ответил: «Воины принадлежат не мне, а государству». Такими были его действия в этом случае, и подобным образом он управлял в действительности всеми делами державы, в то время как заявлял, что вовсе не желает этого.

Сначала он говорил, что полностью оставит правление из-за возраста (ему было пятьдесят шесть) и близорукости (хотя он исключительно хорошо видел в темноте, его зрение бы-

ло весьма плохим в дневное время [4]), но затем он попросил себе товарищей и коллег, хотя не с намерением, чтобы они совместно правили всем государством, как в олигархии, но, скорее, разделив его на три части, одну из которых он оставил бы себе, отдав одновременно две оставшиеся другим. Одна из этих частей состояла бы из Рима и остальной Италии, вторая из легионов, а третья из подчиненных иноземных народов.

Когда он стал в то время очень настойчив, большинство сенаторов противилось его высказанным намерениям и убеждало его управлять всей державой [5], но Асиний Галл [6], который всегда подражал несдержанным речам своего отца чаще, чем это было бы полезно для него, ответил: «Выберите ту часть, какую вы пожелаете». Тиберий возразил: «Как может один и тот же человек и делить, и выбирать?» Галл, почувствовав тогда, в какое положение угодил, попытался найти приятные для него слова и сказал: «Это не с смыслом, что вы должны иметь только треть, но, скорее, чтобы показать невозможность раздела державы, я сделал вам это предложение». На самом деле, однако, он не успокоил Тиберия, но, подвергнув многим жестоким мучениям, тот впоследствии убил его. Ведь Галл был женат на бывшей супруге Тиберия и притязал на Друза как на своего сына, и вследствие этого был ненавидим тем еще до этого происшествия [7].

3. Тиберий шел таким путем в то время главным образом

потому, что по природе делал так, и потому, что он определился с таким способом действий, но частично также потому, что подозревал как паннонские, так и германские легионы, и боялся Германика [8], тогда наместника провинции Германия, любимого ими. Ибо он предварительно заручился поддержкой солдат в Италии посредством присяги в верности, установленной Августом, но так как был подозрителен в отношении других, был готов ко всякой иной возможности, намереваясь спасти себя, удалившись к частной жизни в случае, если бы легионы взбунтовались и взяли верх. По этой причине он часто притворялся больным и оставался дома с тем, чтобы не быть принужденным говорить или делать что-то определенное.

Ливия Друзилла и Тиберий. Римские статуи I века н.э.

Тиберий был сыном Ливии Друзиллы, которую полюбил император Август, несмотря на то, что она была замужем и ждала ребёнка; Скрибония, жена Августа, тоже была беременной в это время. В день рождения своей дочери Август развелся с женой и женился на Ливии, заставив её мужа развестись с ней. Таким образом, её старший сын Тиберий и только что родившийся Друз стали пасынками Августа.

Я даже слышал, что когда начали говорить, будто Ливия обеспечила ему правление вопреки воле Августа, он принял шаги, чтобы показалось, что он получил это не от

нее, которую всем сердцем ненавидел, но по настоянию сенаторов и из-за своего превосходства в личных качествах.

Другая история, которую я слышал, состоит в том, что, когда он увидел, что народ прохладно относится к нему, он выжидал и медлил, пока не стал полным хозяином империи, чтобы в надежде на его добровольное отречение они не устроили мятежа до того, как он к нему подготовится. Однако я записываю эти истории не потому, что они раскрывают истинные причины его поведения, проистекавшего скорее из его обычного настроения и из волнений среди солдат.

В действительности он немедленно послал из Нолы, чтобы казнили Агриппу. Он объявил, правда, что это было сделано не по его приказу и выступил с угрозами против виновного в содеянном, но он же вовсе не наказал его, но позволил людям измышлять собственные толкования этого дела, некоторые в том смысле, что это Август решил погубить Агриппу прямо перед своей смертью, другие – что центурион, охранявший его, убил его по собственному побуждению за некие мятежные поступки, а третьи, что это Ливия, а не Тиберий, отдала приказ о его смерти [9].

4. От этого соперника он тогда сразу же избавился, но относительно Германика находился в большом страхе. Ведь в паннонских войсках начались беспорядки, как только они узнали о смерти Августа и, собравшись вместе в лагере и укрепив его, они совершили многие мятежные поступки. Среди прочего они попытались убить своего командующего

Юния Блеза, а также схватили и подвергли пыткам его рабов. Они требовали тогда, вкратце, чтобы срок их службы был ограничен шестнадцатью годами, чтобы им платили по денарию в день, и чтобы они получили свое вознаграждение здесь и сейчас, в лагере; и они угрожали, в случае, если их требования не будут выполнены, поднять бунт по всей провинции, а затем прийти в Рим. Однако в то время они, в конце концов, были с немалыми трудностями убеждены Блезом, и отправили посланцев к Тиберию в Рим от своего имени; ибо они надеялись в связи со сменой правления удовлетворить все свои притязания, либо запугав Тиберия, либо отдав высшую власть другому [10].

Позже, когда Друз выступил против них с преторианцами, они принялись бунтовать, не получив определенного ответа, и ранили некоторых из его спутников, а также разместили вокруг него стражу на ночь, чтобы не дать ему уйти. Но когда Луна затмилась, они приняли это знамение близко к сердцу и пали духом, так что больше не причинили вреда этому отряду и снова отправили посланцев к Тиберию. Тем временем случилась большая буря, а когда вследствие этого они все разошлись по своим жилищам, самые отчаянные были устранены тем или иным способом, одни самим Друзом в его палатке, куда их вызвали под каким-то предлогом, а другие – его спутниками; остальные же были приведены к покорности и даже выдали. тля наказания некоторых из своего числа, кого они представили виновниками волнений [11].

5. Эти войска тогда были успокоены описанным образом, но воины в провинции Германия, где их в связи с войной было собрано много, слышать не хотели об умеренности, так как видели, что Германик был готовый Кесарь, и гораздо превосходящий Тиберия, и, выдвигая те же самые требования, что и другие, они нагромождали оскорбления в адрес Тиберия и приветствовали Германика как императора [12]. Когда последний после многих уговоров обнаружил, что неспособен сам призвать их к порядку, то, в конце концов, вынул свой меч, как если бы хотел заколоться, на что они глумливо закричали с одобрением, а один из них, протягивая собственный меч, сказал: «Бери этот, он острее».

Германик, соответственно, увидев, как далеко зашло дело, не решился убить себя, особенно потому, что удостоверился, что это ни в коем случае не остановит их волнений. Вместо этого он сочинил письмо, будто бы присланное Тиберием, и затем раздал подарки в двойном размере от завещанных Августом, делая вид, что это сделал император, а также уволил тех, кто вышел из боеспособного возраста, ведь большинство из них принадлежало к городским войскам и было зачислено во вспомогательные соединения после несчастья с Варом. Вследствие этого они на некоторое время прекратили свое вызывающее поведение.

Позже прибыли сенаторы в качестве посланцев от Тиберия, которым тот втайне сообщил ровно столько, сколько хотел, чтобы знал Германик, ибо он хорошо понимал, что они,

конечно же, расскажут Германику обо всех его собственных планах, а он не желал, чтобы то ли они, то ли этот полководец занимались чем-либо сверх данных предписаний, которые, как предполагалось, включали все.

Когда эти люди прибыли, и солдаты узнали об уловке Германика, они заподозрили, что сенаторы готовы отменить все мероприятия их вождя, и опять взбунтовались. Они чуть не убили некоторых посланников и стали оказывать сильное давление на Германика, и даже захватили его жену Агриппину и его сына, которых он ранее отправил вдвоем в некое убежище. Агриппина была дочерью Агриппы и Юлии, дочери Августа, мальчика Гая они называли «Калигула», от того, что, долгое время оставаясь в лагере, он носил воинские сапоги, а не сандалии, что обычно в городе.

Затем по просьбе Германика они освободили Агриппину, которая была беременна, но удержали Гая [13]. В этом случае они также, так как ничего не добились, со временем утихли. В самом деле, у них настолько изменилось настроение, что они по собственному почину задержали самых дерзких из своего числа, некоторых из них частным образом обрели на смерть и, приведя остальных на сходку, после нее одних убили, а других освободили, в соответствии с решением большинства.

6. Но Германик, все же опасаясь, как бы они опять не принялись бунтовать, вторгся во вражескую страну и оставался там, давая войскам много работы и обильное пропитание за

счет чужеземцев.

Таким образом, хотя Германик мог достичь императорской власти – ибо располагал поддержкой совершенно всех римлян, также как их подданных – он отказался от нее. За это Тиберий хвалил его, и отправил много прелюбезнейших посланий и ему, и Агриппине, и все же не был доволен его поступками, но боялся его еще больше, поскольку тот приобрел привязанность легионов. Ибо он предполагал, исходя из собственного обычая говорить одно, а делать другое, что истинные настроения Германика были не таковы, какими казались, а потому был подозрителен к Германику и в равной степени подозрителен к его жене, которая обладала честолюбием, соразмерным ее высокому происхождению. И все же он не обнаруживал ни малейшего признака недовольства ими, но произнес многие хвалебные речи о Германике, точно также как в случае Друза. Он также пожаловал солдатам в Паннонии те же самые льготы, какие Германии дал своим войскам. На будущее, однако, он отказал в увольнении легионеров со службы вне Италии ранее, чем они прослужат полные двадцать лет [14].

7. Теперь, когда больше не приходили новости о каких-либо повстанческих движениях, и весь римский мир определенно согласился с его руководством, Тиберий принял правление безо всяких притворств и осуществлял его, пока был жив Германик, следующим образом. Он делал мало или ничего под свою единоличную ответственность, но выносил все

дела, даже самые малые, на рассмотрение сената и сообщал о них этому собранию [15].

На Форуме было возведено возвышение, где он восседал перед народом, верша правосудие, и его всегда сопровождали советники согласно обычаю Августа, и он вследствие этого ни одного важного шага не делал, не поставив в известность остальных. Изложив собственное мнение, он не только предоставлял каждому полную свободу высказываться против него, но даже, когда, как иногда случалось, другие голосовали вопреки ему, он подчинялся, ибо он часто подавал голос сам.

Друз имел обычай поступать в точности подобно остальным, обычно выступая первым, а потом еще после некоторых других. Что касается Тиберия, он мог иногда оставаться молчаливым, а иногда высказывал свое мнение первым, или после некоторых других, или даже последним; в некоторых случаях он излагал свою мысль прямо, но обычно, чтобы избежать впечатления, что он устранят свободу их слова, добавлял: «Если бы я высказывал свое мнение, я предложил бы то или это».

Этот способ был также плодотворен как и другой, и все же остальным не препятствовали высказать их взгляды. Напротив, он часто мог выразить одно мнение, а следующие – предпочесть нечто отличное, и иногда оно оказывалось преобладающим; и, однако же, за все это он ни на кого не затаивал зла. Он сам творил суд, как я сказал, но он также посещал

суды, в которых председательствовали избранные должностные лица, и не только, когда бывал приглашен, но и незванным. Он позволял им оставаться на положенных им местах, тогда как сам занимал скамью перед ними и словно советник делал замечания, казавшиеся ему подходящими [16].

8. Во всем прочем он действовал тем же образом. Так, он не позволял свободным людям называть себя господином, а императором – разрешат только солдатам, звание Отца Отечества он категорически отверг, а имя Августа не принял – действительно, он не позволил даже поставить это на голосование, но он не возражал, когда слышал его в разговоре или читал написанным, и когда бы ни отправлял послания царям, постоянно включал этот титул в свои письма [17].

Вообще, его называли Кесарем, иногда – Германиком (за его свершения в Германии) и первоприсутствующим в сенате – последнее, согласно старинному обычаю и даже им самим. Он часто повторял: «Я господин для рабов, император для солдат и первоприсутствующий для остальных» [18]. Он совершал моления, настолько часто, насколько выпадал случай совершить их, за то, чтобы он жил и правил ровно столько, сколько мог быть полезен государству. И он был настолько предан обычаям народоправства во всех подобных обстоятельствах, что не позволял никаким особым образом отмечать день своего рождения и не разрешал людям клясться его Удачей, а если кто-нибудь после такой клятвы подвергался обвинению в клятвopеступлении, не преследовал его.

Короче говоря, он в последующем даже не поддержал в отношении себя обычая, которому постоянно следуют в новогодний день вплоть до настоящего времени, как подлежащему соблюдению по поводу не только Августа, но и всех правителей, следовавших за ним, которых мы так или иначе признаем, и обладателей верховной власти в настоящее время – я говорю о клятвенном одобрении их деяний, как в прошлом, так и – относительно ныне здравствующих – также и будущих.

Что же касается деяний Августа, он не только требовал от всех других давать такую клятву, но также приносил ее сам; больше того, чтобы сделать последнее более заметным образом, он проводил новогодний день, не входя в здание сената и вовсе не появляясь в городе в этот день, но проводил время в каком-нибудь из пригородов, но затем прибывал позже и присягал отдельно.

Это было одним из оснований, по которым он оставался вне города на Новый год, но он также хотел не беспокоить кого-либо из горожан, когда они были заняты новыми должностными лицами и празднествами, а также уклониться от получения денег от них. В самом деле, он не одобрял Августа за его поведение по этому поводу, так как это причиняло многие неудобства и большие расходы в связи с необходимостью отдариваться за эти знаки расположения.

9. Не только в этом его поведение соответствовало обычаям народоправства, но и никакого отдельного священного

участка не было отведено ему ни по его собственному выбору, ни каким-либо иным способом, – я имею в виду в то время – и никому не было позволено ставить изображения ему; ибо он скоро и явно запретил какому-либо городу или частному лицу делать это. К этому запрету, правда, он присовокупил условие: «Если только не по моему разрешению», – но добавил: «А я не дам его». Ибо он никоим образом не допустил бы, чтобы казалось, что его кто-то оскорбляет или непочтительно к нему относится (такие поступки уже признавались оскорблением величия [19] и влекли многие судебные дела на этой почве), и он делал вид, что весьма мало заботиться об этом и не желал слушать обвинений такого рода, связанных с ним самим, хотя он уделял внимание величию Августа в этих делах.

Сначала, впрочем, он никого не наказывал, даже из обвиненных за проступки по отношению к его предшественнику, и он тогда выпустил некоторых, против кого были сделаны доносы, что они преступили клятвы Августу, но со временем он многих приговорил к смерти.

10. Он утверждал величие Августа не только таким способом, но также завершив постройки, которые Август начал и не закончил, и он поместил на них его имя, и в случае статуй и святилищ, возведенных Августу то ли общинами, то ли частными лицами, он либо посвятил их сам, либо предписал одному из понтификов сделать это [20].

Правило указывать в надписи имя первоначального стро-

ителя он применял не только в случае зданий, возведенных Августом, но и во всех подобных случаях, когда требовался какой-либо ремонт, ибо, хотя он восстановил все здания, получившие повреждения (сам он не построил каких-нибудь новых, кроме Храма Августа), он не притязал ни на одно из них как на свое собственное, но восстановил на всех имена первоначальных строителей.

Расходуя чрезвычайно мало на себя, он тратил весьма большие средства на общественные нужды, то ли перестраивая и украшая почти все общественные сооружения, а также щедро помогая как городам, так и частным лицам. Он обогатил многих сенаторов, которые были бедны и из-за этого не желали более быть членами сената; и все же он сделал это не без разбора, но вычеркнул в то время имена некоторых за расточительность, а некоторых – даже за бедность, когда они не смогли удовлетворительно объяснить ее [21].

Все деньги, которые он раздавал народу, тут же отсчитывались у него на глазах, поскольку при Августе должностные лица, выплачивавшие деньги, имели привычку забирать большие суммы для себя из таких пожалований, а он весьма заботился, чтобы такого не случилось в его правление. Все эти траты, кроме того, он делал из регулярных поступлений, поскольку он никого и никогда не приговаривал к смерти из-за его денег, и не отбирал тогда в казну чье-либо имущество, и не прибегал к хитроумным уловкам для изыскания средств. Действительно, когда Эмилий Рект как-то по-

слал ему из Египта, которым управлял, больше денег, чем он предписал, то отправил ему послание: «Я хочу иметь моих овец стриженными, а не сожранными» [22].

11. К нему, кроме того, было чрезвычайно легко подойти и просто обратиться. Например, он призвал сенаторов приветствовать его всем составом и таким образом не толкать друг друга. В общем он показал себя настолько внимательным, что, когда должностные лица родийцев послали ему какое-то сообщение и в конце пропустили обязательную формулу о том, что возносят свои молитвы за его благополучие, он вызвал их с поспешностью, как будто собирался причинить им некий вред, но когда они прибыли, он вместо того, чтобы подвергнуть их какому-либо наказанию, заставил дописать недостающие слова и затем отправил назад [23].

Он оказывал почтение ежегодно избираемым должностным лицам, как если бы жил во времена народоправства, даже вставая со своего места при приближении консулов, и всякий раз, когда он приглашал их на обед, он и встречал их у дверей, когда они приходили, и провожал их по дороге, когда они отбывали. В случае, когда его несли в какое-либо время куда-нибудь на носилках, он не позволял ни одному из видных всадников сопровождать себя, не говоря уже о сенаторах [24]. В случае празднеств или чего-то подобного, дававшего толпе возможность развлечься, он заранее прибывал вечером в дом кого-нибудь из домочадцев Кесаря, живших вблизи места, где собиралась толпа, и проводил ночь

там.

Цель, которую он преследовал, поступая так, состояла в том, чтобы народ мог встретить его с наименьшими возможными сложностями и неприятностями. И, кроме того, он часто смотрел конные состязания из домов вольноотпущенников. Ведь он довольно часто посещал зрелища с тем, чтобы не только оказать честь их устроителям, но также чтобы обеспечить доброе поведение простолюдинов и показать, что он разделяет их радости. На самом же деле, однако, он никогда не проявлял ни малейшего восхищения вещами такого рода и не имел славы сочувствующего одному из соперников [25].

Во всех отношениях он был настолько справедлив и беспристрастен, что однажды, когда народ пожелал, чтобы один актер был отпущен на свободу, он не уступал его требованию, пока господин этого человека не дал своего согласия и не получил плату за него. Его отношения с приближенными были теми же, какие он поддерживал в частной жизни: он помогал им, когда они оказывались втянутыми в тяжбы и присоединялся к ним во время праздничных жертвоприношений, он проводил их во время болезни, не приводя с собой никакой охраны в их комнату, и по случаю смерти по крайней мере одного из них он сам произнёс погребальную речь.

12. Больше того, он призывал свою мать вести себя подобным же образом, насколько ей подобало поступать так, ча-

стично, чтобы она могла подражать ему, и частично, чтобы умирить ее гордыню. Ведь она занимала очень высокое положение, гораздо выше любой женщины прежних времен, так что она могла во всякий час принимать сенаторов и тех из народа, кто хотел приветствовать ее, в своем доме, и это обстоятельство вошло в государственные записи. Письма Тиберия даже содержали одно время ее имя наряду с именем государя, и одинаково писали им обоим. За исключением того, что она никогда не отваживалась войти в помещение сената, к войску и в народное собрание, она старалась управлять всем, словно единоличная правительница.

Во времена Августа она обладала огромным влиянием и часто заявляла, что это она сделала Тиберия императором [26]; вследствие этого она не удовлетворялась правлением на равных условиях с ним, но желал первенствовать над ним. Как следствие были предложены многие чрезвычайные меры, многие лица высказывали мнение, что ее следовало бы называть Матерью Отечества, и многие – Матерью Родителей. А другие еще предложили, чтобы Тиберий был назван по ней, так, как греков называют по отцу, он должен был бы называться по матери [27].

Все это досадовало его, и он не одобрил никаких почестей, постановленных ей, за небольшими исключениями, и не позволял ей никакого особенного поведения. Например, она однажды посвятила в своем доме изображение Августа, и в честь этого события пожелала дать пир сенату и всадни-

кам вместе с их женами, но он не позволил ей выполнить ни одной части этого замысла, пока сенат не одобрил этого, и даже тогда не она принимала мужчин за обедом, вместо этого он угощал мужчин, а она – женщин. В конце концов он совершенно отстранил ее от общественных дел, но позволил управлять домом; затем, так как она причиняла ему беспокойство даже в этом качестве, он перестал бывать в городе и избегал ее всеми возможными способами; в самом деле, главным образом из-за нее он перебрался на Капрею [28]. Таковы сообщения, которые имеются о Ливии.

13. Тиберий тогда стал более жестко обходиться с теми, кого обвиняли в каком-либо преступлении, и он стал гневаться на своего сына Друза, который был крайне распущенным и жестоким (настолько жестоким, что острейшие мечи называли «друзианами» по его имени), и он часто упрекал его как с глазу на глаз, так и при людях. Однажды он прямо сказал в присутствии многих свидетелей: «Берегись, пока я жив, совершать насилия и дерзости, а если посмеешь, то не совершишь их и после того, как я умру» [29]. Ибо Тиберий некоторое время вел очень умеренную жизнь, и не позволял никому другому предаваться распущенности, но многих наказал за нее.

И все же однажды, когда сенаторы пожелали законом установить штраф для обвиненных в распутной жизни, он не одобрил такого предложения, объяснив, что лучше как-то исправлять их частным образом, нежели налагать на них ка-

кое-либо общественное взыскание. Ибо при существующих условиях, сказал он, есть надежда, что некоторые из них будут сдерживаться из боязни позора, либо пытаясь избежать разоблачения, но если когда-нибудь закон будет одолеваться человеческой природой, никто не будет обращать на него никакого внимания. Немало людей, носивших пышные одежды из пурпура, хотя это ранее было запрещено, не были ни оштрафованы, ни получили порицания, но когда во время какого-то праздника пошел дождь, сам он надел темный шерстяной плащ. После этого никто из них более не осмеливался надевать какую-либо другую одежду.

Таково было поведение Тиберия во всех делах при жизни Германика, но после его смерти он изменил свое направление во многих отношениях. Возможно, он с самого начала таил в сердце то, что позже обнаружил, и просто притворялся, пока Германик был жив, поскольку он считал, что соперник затаился в ожидании верховной власти, а возможно он был совершенен по природе, но впал в порок, когда лишился соперника.

14. Я изложу теперь в должном порядке разные события его правления, насколько они достойны упоминания.

В консульство Друза, своего сына, и Гая Норбана [30] он выплатил народу подарки, завещанные Августом. Но это было только после того, как некто подошел к телу, которое проносили через Форум в погребальном шествии и, наклонившись, прошептал что-то ему на ухо; когда присутствовавшие

спросили, что он сказал, тот заявил, что сообщил Августу [31], что они все еще ничего не получили. Тиберий тогда тут же казнил этого малого с тем, как он издевательски заметил, чтобы тот мог сам передать свое послание Августу; но вскоре после этого он расплатился со своими долгами остальным, распределив среди них по двести шестьдесят сестерциев на каждого. Некоторые, впрочем, утверждают, что эта выплата была сделана в предшествующем году.

В рассматриваемое время некоторые всадники пожелали сразиться в поединке на играх, которые Друз давал от своего имени и от имени Германика, но Тиберий не пришел на их бой, и когда один из них был убит, запретил второму сражаться в качестве гладиатора. Тогда были также некоторые состязания в связи с Цирковыми играми, данными в честь дня рождения Августа, и было также затравлено некоторое количество зверей. Так продолжалось в течение ряда лет.

В это же время Крит, из-за смерти его наместника, был доверен квестору и его советнику на оставшийся срок. Кроме того, поскольку многие из тех, кому провинции были назначены по жребию, надолго задерживались в Риме и других частях Италии, так что их предшественники оставались на должности долее срока, Тиберий приказал, чтобы они отправились до первого дня июня. Тем временем умер его внук от Друза, но он не оставил ни одной из своих обычных обязанностей, ибо не считал правильным, чтобы кто-либо, управляющий другими, мог бы пренебрегать заботой об общей

пользе из-за личных несчастий; и, больше того, он старался приучить остальных к тому, чтобы не наносить ущерб потребностям живых из-за мертвых.

Когда в то время река Тибр затопила обширную часть города, так что люди передвигались на лодках, большинство народа восприняло это как предзнаменование, равно как и жестокие землетрясения, которые обрушили часть городской стены, и равно как частые удары молний, из-за которых вино утекало даже из неповрежденных сосудов; император, однако, полагая, что это было следствием чрезмерного обилия поверхностных вод, назначил пятерых сенаторов, избранных жребием, чтобы составить постоянную коллегия для наблюдения за рекой, так, чтобы она больше не разливалась зимой и не мелела летом, но поддерживала свой уровень, насколько возможно, все время [32].

Пока Тиберий предпринимал эти меры, Друз исполнял обязанности, относящиеся к консульству, наравне со своим коллегой также как любой обычный гражданин мог бы это делать, и когда он оказывался наследником чье-либо состояния, то помогал в выносе тела. И все же он настолько был подвержен яростному гневу, что избил одного видного всадника, и за это деяние получил прозвище «Кастор». И он стал таким тяжким пьяницей, что однажды ночью, когда вынужден был прийти вместе с преторианцами на помощь какому-то людям, чье имущество было охвачено пожаром, и те просили воды, отдал приказ: «Подайте им горячей!» Он так

сдружился с актерами, что это сословие устроило беспорядки, и их не могли унять даже законы, которые Тиберий издал для установления порядка среди них. Таковы были события этого года.

15. В консульство Статилия Тавра и Лукия Либона [33] Тиберий запретил всякому мужчине носить шелковую одежду и также запретил кому-либо использовать золотые сосуды, за исключением священных обрядов [34]. И когда некоторые не знали, запрещено ли им также владеть серебряной посудой с какими-либо золотыми накладками, он захотел издать постановление и по этому поводу, но не мог позволить, чтобы слово «эмблема», так как это было греческое обозначение, было употреблено в постановлении, хоть он и не смог найти родного слова для накладного украшения. Таково было направление, избранное им в этом деле. Подобным образом, когда некий центурион захотел дать какие-то показания перед сенатом по-гречески, он не позволил этого, несмотря на то, что сам имел привычку слушать многие судебные дела и опрашивать многих свидетелей на этом языке именно в этом месте [35].

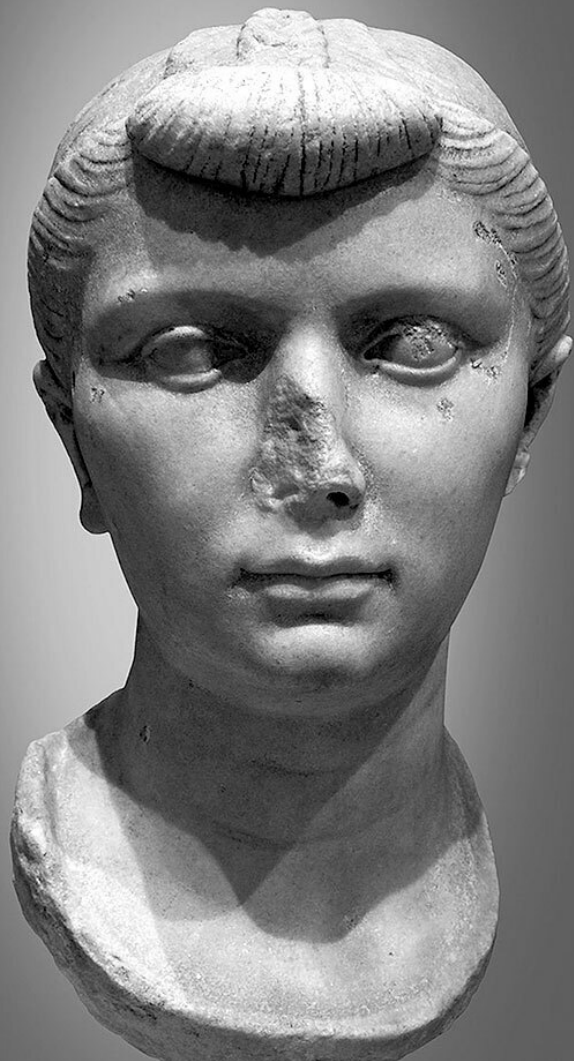
Это был один из примеров непоследовательности с его стороны; другой можно было видеть в его обращении с Лукием Скрибонием Либоном, молодым человеком, подозревавшимся в мятежных замыслах. Пока этот человек был здоров, он не привлекал его к суду, но когда он оказался смертельно больным, он приказал доставить его в сенат в закрытых

носилках, таких, какие используют жены сенаторов; затем, когда произошла небольшая задержка, и Либон покончил с собой до того, как состоялся суд, он добился его посмертного осуждения, распределил его имущество между обвинителями и устроил жертвоприношение, чтобы отметить смерть этого человека, и не только из-за самого себя, но также из-за Августа и отца последнего, Юлия, так как это было в прошлом установлено [36].

Хотя он предпринял такие действия в случае Либона, он вовсе не выдвинул никаких обвинений против Вибния Руфа [37], использовавшего кресло, на котором Кесарь имел обычай сидеть и на котором он был убит. В самом деле, Руф имел привычку не только делать это, но также имел жену Цицерона в качестве сожительницы [38], и испытывал гордость за себя на обоих этих основаниях, полагая, очевидно, что он может стать либо оратором благодаря жене, либо Кесарем благодаря креслу. И он не получил за это никакого порицания, но даже стал консулом.

Тиберий, кроме того, всегда находился в обществе Трасилла [39], и так или иначе ежедневно пользовался искусством предсказаний, став настолько искушенным в этом деле, что, когда однажды во сне его побуждали дать деньги некоему человеку, он понял, что этот дух был вызван перед ним обманно, и потому приговорил этого человека к смерти. Но что касается всех прочих астрологов, магов и тех, кто совершал предсказания каким-либо иным образом, он при-

говорил к смерти тех, кто были иноземцами, и изгнал всех граждан, обвиненных в том, что они все еще применяли это искусство после предыдущего постановления, которым запрещено было заниматься таким ремеслом в городе, но тем, кто подчинится, дарована была неприкосновенность [40]. На самом деле все граждане были бы оправданы даже вопреки его воле, если бы некий трибун не предотвратил это. Это был особенно хороший пример народоправства, поскольку сенат, согласившись с предложением Гнея Кальпурния Писона[41], отверг предложение Друза и Тиберия, и ему воспрепятствовал, в свою очередь, только трибун.

Юлия Цезария Старшая, вторая жена Тиберия, дочь императора Августа. Римский бюст I века н.э.

Тиберий горячо любил свою жену Випсанию, но Август приказал ему развестись с ней и жениться на Юлии Цезарии, дочери Августа от Скрибонии. Юлия к этому времени во второй раз овдовела, у неё было пятеро детей. Тиберий ненавидел Юлию, тем более что она отличалась крайним распутством: участвовала в ночных оргиях и одаривала своими ласками многих мужчин из разных фамилий. В конце концов, Август отправил её в ссылку, а Тиберий, придя к власти, так урезал средства на содержание, что Юлия умерла от истощения.

16. Помимо только что изложенных дел некоторые люди, бывшие квесторами предыдущего года, были направлены в провинции, так как квесторы текущего года были слишком малочисленны, чтобы заполнить места. И такому способу действий следовали и в других случаях, по мере возникновения необходимости.

Так как многие из общественных надписей либо разрушились, либо по меньшей мере стали нечитаемы с течением времени, были избраны три сенатора, чтобы скопировать те, которые еще сохранились, и восстановить содержание других. Была оказана помощь жертвам разных пожаров, и не только Тиберием, но и Ливией.

В том же году некий Клемент, бывший рабом Агриппы и в некоторой степени похожий на него, стал выдавать себя за самого Агриппу. Он отправился в Галлию и там многих привлек к своему делу, а позже многих в Италии, и подошел к Риму с открытым намерением вернуть себе власть своего деда. Население города было возбуждено этим, и немало людей присоединилось к его делу, но Тиберий получил его в свои руки уловкой, при помощи некоторых людей, притворившихся, будто сочувствуют этому самозванцу. Вслед за этим он подверг его пытке, чтобы узнать что-нибудь о его сообщниках. Когда же тот не проронил ни слова, он спросил его: «И как же ты стал Агриппой?». Тот ответил: «Так же как ты – Кесарем!» [42]

17. В следующем году Гай Кайкилий и Лукий Флакк получили звания консулов [43]. И когда некоторые принесли Тиберию в начале года деньги [44], он не принял их и издал по этому поводу указ, в котором использовал слово, не бывшее латинским. Поразмышляв об этом целую ночь, он послал ко всем, кто были знатоками этих вещей, так как крайне заботился, чтобы его язык был безупречным. Вслед за этим некий Атей Капитон заявил: «Даже если это выражение ранее не использовалось, ныне, после тебя, мы все сможем приводить его как пример образцового словоупотребления». Но некий Маркелл возразил: «Ты, Кесарь, можешь давать право римского гражданства людям, а не словам». Император не причинил этому человеку вреда за его слова, несмотря на их

крайнюю откровенность [45].

Его гнев, однако, обратился против Архелая, царя Каппадокии, поскольку этот властитель, некогда унижавшийся перед ним, чтобы получить его помощь как защитника в суде, когда обвинялся своими подданными во времена Августа, впоследствии пренебрежительно отнесся к нему во время посещения Родоса, так как заискивал перед Гаем, когда последний прибыл в Азию. Поэтому теперь Тиберий вызвал его по обвинению в мятежном поведении и оставил его судьбу на усмотрение сената, хотя этот человек не только был очень стар, но также сильно страдал от подагры и, кроме того, считался выжившим из ума.

В самом деле, он некогда до такой степени утратил рассудок, что в его владения Августом был назначен опекун; тем не менее, в рассматриваемое время он уже не был душевнобольным, а просто притворялся в надежде спасти себя такой уловкой. И его приговорили бы тогда к смерти, если бы кто-то, свидетельствуя против него, не заявил, будто он сказал некогда: «Когда я доберусь домой, я ему покажу, какие у меня мускулы!» При этом разразился такой хохот – потому что этот человек был неспособен не то, что стоять, но даже и сидеть – что Тиберий отказался от намерения казнить его. Действительно, здоровье этого правителя было настолько плохим, что его принесли в сенат в крытых носилках (ибо было обычным даже для мужчин всякий раз, когда кто-нибудь из них чувствовал себя больным, передвигаться полулежа,

и даже Тиберий время от времени поступал так), и он сказал несколько слов, выглянув из носилок. Так жизнь Архелая была на некоторое время сохранена, но он умер немного спустя по другой причине [46]. После этого Каппадокия досталась римлянам и управлялась всадником в качестве наместника.

Города Азии, пострадавшие от землетрясения, были поручены бывшему претору с пятью ликторами, большие суммы денег были оставлены им из налогов, и большие суммы были также даны им Тиберием [47]. Ибо он не только строго воздерживался от получения чужого имущества – настолько долго, конечно, насколько в нем вообще сохранялись достоинства – и даже не принимал наследств, оставленных ему завещателями, имевшими родственников, но в то время внес значительные средства как городам, так и частным лицам, и не принял никаких почестей либо благодарностей за это деяние. Когда прибывали посольства от городов или провинций, он никогда не вел дела с ними наедине, но привлекал к участию в переговорах многих других, особенно людей, уже управлявших этими народами.

18. Германик, снискавший славу своим походом против германцев, продвинулся вплоть до океана, нанес сокрушительное поражение варварам, собрал и похоронил останки тех, кто пал вместе с Варом, и возвратил боевые знамена [48].

Тиберий не вернул свою жену Юлию из изгнания, к кото-

рому ее приговорил ее отец Август за прелюбодеяние, но даже поместил ее под замок, пока она не погибла от истощения и голода [49].

Сенат обратился к Тиберию с просьбой, чтобы месяц ноябрь, в 16 день которого он родился, назвали бы «тиберием»: «А что вы станете делать, когда будет тринадцать Кесарей?» – ответил Тиберий [50]

Позже, когда Марк Юний и Лукий Норбан вступили в должность [51], знамение не малой важности произошло как раз в первый день года и, несомненно, что оно касалось судьбы Германика. Консул Норбан, как кажется, всегда увлекался трубой, и так как он усердно этим занимался, он захотел сыграть на ней по такому случаю утром, когда многие люди уже были возле его дома.

Однако, это действие напугаю их всех, так как им показалось, что консул подал сигнал к сражению, и они были встревожены падением статуи Януса. Они, кроме того, были немало обеспокоены оракулом, считавшимся прорицанием Сивиллы, которое, хотя вовсе и не касалось этого времени в истории города, применялось к существовавшему тогда положению. Оно гласило:

Когда трижды по триста кружащихся лет истекут,
Разрушение Рима придет от раздора внутри
И безумия также Сибариса...

Тиберий тогда разоблачил эти стихи как поддельные и произвел расследование в отношении всех книг, содержав-

ших какие-либо пророчества, отвергая некоторые как ничего не стоящие, и сохраняя другие как подлинные.

Как как иудеи стекались в Рим в большом числе и обратили многих его уроженцев в свою веру, он изгнал большинство из них [52].

Смерти Германика были очень рады Тиберий и Ливия, но все остальные были глубоко удручены. Он был человеком поразительной телесной красоты и столь же благородного духа, и был замечателен как своей образованностью, так и силой. Будучи храбрейшим из мужей против неприятеля, он показал себя ласковейшим по отношению к соотечественникам, и хотя как Кесарь он имел огромное влияние, честолюбием не превосходил самого простого человека. Он никогда не поступал жестоко по отношению к своим подчиненным, или завистливо – с Друзом, или оправдывая подозрения Тиберия.

Одним словом, он был одним из немногих людей на памяти человеческой, которые не были обделены судьбой и не позволили ей испортить себя [53]. Хотя несколько раз он мог достичь императорской власти по свободному согласию не только солдат, но также народа и сената, он отказался сделать это. Смерть настигла его в Антиохии вследствие заговора, составленного Писоном и Планкиной. Ведь человеческие кости, закопанные в доме, где он поселился, и свинцовые таблички, содержавшие проклятия с его именем, были найдены, когда он был еще жив, и что яд был средством его

устранения, обнаружило состояние его тела, которое было принесено на площадь и показано всем, кто там присутствовал [54]. Писон затем возвратился в Рим и был перед сенатом обвинен в убийстве самим Тиберием, который таким образом старался очиститься от подозрений, что это он погубил Германика, но Писон добился отсрочки суда и совершил самоубийство [55].

Германик после своей смерти оставил троих сыновей, которым Август по своему желанию дал имя Кесарей. Старший из троих, Нерон, надел приблизительно в это время мужскую тогу [56].

19. До этого времени, как мы видели, Тиберий совершил многие превосходные поступки и допустил, хоть и немного, некоторые ошибки, но теперь, когда у него больше не было соперника, поджидающего свой случай, он изменил на прямо противоположное свое предыдущее поведение, во многом хорошее. Среди прочего, сделавшего его правление жестоким, он стал доводить до худшей крайности приговоры за оскорбление величия в случаях, когда донос приносился против кого угодно о совершении любого предосудительного действия или произнесении любой предосудительной речи, и не только против Августа, но также против самого Тиберия или его матери.

И по отношению к тем, кого подозревали в заговорах против него, он был беспощаден.

Тиберий был суров в наказании лиц, обвиненных в ка-

ком-либо преступлении. Он имел обычай повторять: «Никто добровольно не подчиняется власти другого, но людей принуждают к этому против их воли, поэтому подчиненные не только испытывают удовольствие, отказывая в повиновении, но также рады злоумышлять против своих правителей». И он без разбора принимал обвинителей, то ли раб доносил на своего хозяина, то ли сын на отца.

В самом деле, обнаруживая перед одними свое желание смерти других, он обрёл последних на гибель от рук первых, и его участие в этих смертях не было тайной.

И не только рабов подвергали пытке, чтобы заставить свидетельствовать против своих хозяев, но также и свободных людей, и граждан. Среди тех, кто обвинял или свидетельствовал против кого-либо, распределялось по жребию имущество осужденных, и им отдавались их должности и почести. В случае многих он постарался выяснить день и час их рождения, и на основе их нрава и удачи, которая таким образом раскрывалась, мог приговорить их к смерти, так как, если он обнаруживал какую-нибудь необычную способность или надежду на могущество в ком-нибудь, он был уверен, что того следует убить.

В самом деле, он настолько тщательно исследовал и постигал будущую судьбу всякого из наиболее выдающихся мужей, что, встретив Гальбу (впоследствии императора), когда последний обручался со своей женой, он заметил: «Ты тоже однажды отведаешь высшей власти». Он пощадил его, как

я полагаю, потому что это было predetermined в качестве его судьбы, а также, как сам он объяснял, потому что Гальба будет править только в старости и через долгое время после его смерти [57].

Тиберий также нашел некоторые предлоги для убийств, ибо смерть Германика привела к гибели многих других на том основании, что они радовались ей.

С наибольшим рвением ему пособничал и подстрекал во всех его предприятиях Лукий Элий Сеян, сын Страбона, в прошлом любимчик Марка Гавия Апикия, того Апикия, который настолько превзошел весь род людской расточительством, что, пожелав однажды узнать, как много он уже растратил и сколько у него еще осталось, и услышав, что ему все еще принадлежат два миллиона пятьсот тысяч [58], был убит горем, чувствуя, что ему придется умереть с голоду, и покончил с собой.

Так вот, этот Сеян тогда разделял некоторое время со своим отцом командование преторианцами, но когда его отец был послан в Египет, и он получил единоличное начальство над ними, то усилил свое влияние многими способами, особенно, собрав вместе в один лагерь разные когорты, которые были разделены и разрознены, подобно ночной страже. Таким образом все силы могли быстро получать его приказы и внушали бы всякому страх, так как все собрались в лагере. Таков был человек, к которому Тиберий вследствие схожести их нрава привязался, возведя его в достоинство претора,

почесть, которая никогда не оказывалась людям подобного положения; и он сделал его своим советником и помощником во всех делах [59].

В конце концов, Тиберий настолько изменился после смерти Германика, что если ранее его много хвалили, то теперь он вызывал все большее изумление.

20. Когда Тиберий вступил в консульство вместе с Друзом, люди стали немедленно предрекать гибель Друза из-за этого обстоятельства. Ведь ни один человек, когда-либо бывший консулом вместе с Тиберием, не избежал насильственной смерти, но первым из них был Квинтилий Вар, следующим – Гней Писон, а затем сам Германик, и все они умирали насильственной и несчастной смертью [60]. Тиберий был очевидно обречен оказывать некое губительное влияние в течение всей своей жизни, в любом случае, не только Друз, его коллега в то время, но также Сеян, позднее разделивший с ним должность, погибли.

Когда Тиберий находился за городом, Гай Луторий Приск, всадник, который весьма гордился своими поэтическими дарованиями и написал достойную внимания оду на смерть Германика, за которую получил значительную сумму денег, был обвинен за то, что составил также поэму про Друза, когда последний был болен. За это его судили в сенате, приговорили и казнили. Тиберий был раздосадован этим, но не потому, что этот человек был казнен, а потому, что сенаторы вынесли смертный приговор без его одобрения. След-

ствие этого он высказал им порицание и приказал, чтобы было принято постановление того содержания, что никто, приговоренный ими, не должен быть казнен в течение десяти дней, и что постановления по делам о таких лицах не должны обнародоваться в это время. Целью этого было обеспечить ему возможность изучать их решения в этот срок, даже когда он отсутствовал бы, и пересматривать их.

21. После этого, когда срок его консульства истек, он прибыл в Рим и удержал консулов от защиты некоторых лиц в суде, заметив: «Если бы я был консулом, то так не поступал бы». Один из преторов был обвинен то ли в том, что сделал некое нечестивое замечание, то ли что совершил какой-то проступок против него; после чего этот человек покинул сенат и, сняв одежду, полагающуюся его должности, вернулся, требуя, как обычный гражданин, немедленно рассмотреть донос; Тиберий был этим очень огорчен и более его не беспокоил.

Он изгнал из Рима актеров и не дал им места для занятий их ремеслом, так как они растлевали женщин и устраивали беспорядки [61]. Он почтил многих людей после их смерти статуями и общественными похоронами, но Сеяну он воздвиг бронзовую статую в театре при жизни. Как следствие, многие изображения Сеяна были поставлены частными лицами, и император произнес многие хвалебные речи в его честь, как перед народом, так и перед сенатом. Виднейшие граждане, включая самих консулов, регулярно являлись по

утрам в его дом, и сообщали ему не только обо всех частных пожеланиях, которые всякий из них хотел высказать Тиберию, но также об общественных делах, которые тот должен был обсудить. Одним словом, ни одно дело такого рода не делалось впредь без его ведома.

Около этого времени один из самых больших портиков в Риме стал крениться набок, и был выпрямлен замечательным способом одним архитектором, чье имя неизвестно, так как Тиберий, завидуя его чудесному достижению, не позволил внести его в записи. Этот архитектор, каково бы ни было его имя, тогда сначала укрепил фундаменты вокруг с тем, чтобы они не разрушились, и обернул остальное сооружение овечьей шерстью и толстой тканью, крепко обвязав его со всех сторон канатами, а затем при помощи многих людей и лебедок поставил его опять в первоначальное положение.

Тем временем Тиберий и восхищался им, и завидовал ему; по первой причине он почтил его денежным подарком, а по второй изгнал из города. Позже изгнанник приблизился к нему, чтобы просить помилования, и когда делал это, намеренно уронил хрустальный кубок, и хотя тот каким-то образом разбился или треснул, он провел по нему руками и тут же показал вновь целым. За это он надеялся получить прощение, но вместо этого император приговорил его к смерти.

22. Друз, сын Тиберия, погиб от яда [62]. Кажется, что Сеян, зазнавшийся от собственного могущества и высокого положения, вдобавок к прочему вызывающему поведению в

конец концов обратился против Друза и как-то ударил его кулаком. Это дало ему основания бояться как Друза, так и Тиберия, и так как он одновременно ощутил уверенность, что, если сможет когда-нибудь устранить молодого человека, то со вторым легко управится, он дал яд сыну при посредстве его слуг и жены Друза, которую некоторые называют Ливиллой, ведь Сеян был ее любовником [63].

Обвинения выдвигались и против Тиберия, так как он не изменил ни одной из своих обычных привычек во время болезни Друза и после его смерти, и не позволял другим изменить свои. Но эта история неправдоподобна. Ведь это было его обычное поведение, общее правило во всяком схожем случае, и, кроме того, он был очень привязан к Друзу, единственному своему законному сыну; к тому же, он покарал тех, кто замыслил его смерть, некоторых сразу, других позже [64]. В то время он явился в сенат, произнес приличествующую похвальную речь своему сыну и возвратился домой.

Так погиб Друз. Что касается Тиберия, он пришел в здание сената, где на людях оплакал его и в то же время поручил Нерона и Друза, сыновей Германика, заботам сената [65].

Тело Друза было выставлено на рострах, и Нерон, его зять, произнес похвальную речь ему. Его смерть привела к смерти многих других, обвиненных в том, что они радовались его гибели. Среди большого числа людей, расставшихся таким образом с жизнью, была и Агриппина со своими сыновьями, кроме младшего. Ведь Сеян сильно настраивал Тиберия

против нее в надежде, что когда она и ее сыновья будут ниспровергнуты, он сможет жениться на Ливилле, жене Друза, к которой испытывал страсть, и достичь верховной власти, потому что тогда у Тиберия не осталось бы наследника, ибо император презирал своего внука как убудка. Многие другие также были изгнаны или погублены под разными предложениями, во многих случаях ложными.

Тиберий запретил лишенным огня и воды оставлять какие-либо завещания, обычай, сохраняющийся до сих пор. Он привлек Элия Сатурнина к суду сената по обвинению в том, что тот произнес какие-то подозрительные стихи о нем, и после осуждения распорядился сбросить его с Капитолия.

23. И я мог бы рассказать о многих других таких случаях, если бы я входил в подробности каждого дела. Достаточно, впрочем, коротко сказать, что многие были обречены им на смерть за такие проступки, а, кроме того, что, тщательнейшим образом расследуя, от дела к делу, все оскорбительные замечания по своему поводу, вменявшиеся в вину какому-либо лицу, он в действительности сам давал себе все самые гадкие прозвища, какие только придумывали люди. Ибо даже если какой-то человек говорил что-либо единственному собеседнику, он делал его общеизвестным и, больше того, внесенным в государственные записи, и часто он добавлял, сознавая собственные пороки, то, чего никто и не говорил, будто это действительно было произнесено, с тем, чтобы казалось, что он всякий раз имеет оправдание своему гневу.

Вследствие этого выходило, что он осыпал себя всей той бранью, за которую имел обычай карать других по обвинению в оскорблении величия, и, кроме того, выглядел смешно. Ибо когда люди отрицали, что произносили какие-то слова, он, настаивая и присягая, что они были сказаны, гораздо больше оскорблял себя [66]. Именно из-за этого некоторые заподозрили, что он лишился рассудка. И все же нельзя считать его действительно безумным из-за такого поведения, так как во всех остальных случаях он поступал совершенно обоснованным образом. Например, он назначил опекуна некоему сенатору, ведшему расточительную жизнь, словно сироте. Кроме того, он привлек Капитона, в прошлом проконсула Азии, к суду сената и, обвинив его в использовании солдат и других действиях, как если бы тот обладал верховным командованием, сослал его [67]. В то же время должностным лицам, управлявшим государственной казной, не было позволено заниматься чем-либо сверх сбора обычных поступлений, и в случае споров они должны были обращаться в суд на Форуме в соответствии с законами, на равных с обычными гражданами.

24. Столь велика была разница между различными поступками Тиберия. Когда истекло десятилетие его правления, он не попросил никакого голосования для его возобновления, так как не желал получать его по частям подобно Августу, тем не менее, был проведен десятилетний праздник [68].

Кремутий Корд был принужден покончить с собой, поскольку столкнулся с Сеяном. Он был на пороге старости и вел совершенно безукоризненную жизнь, настолько, что никакое тяжкое обвинение не могло быть выдвинуто против него, и потому его судили за его историю свершений Августа, которую он написал задолго до того, и которую читал сам Август. Он был обвинен в восхвалении Брута и Кассия, и в нападках на народ и сенат, ибо, оценивая Кесаря и Августа, он хоть и не отзывался о них дурно, но и, с другой стороны, не оказывал им какого-либо особого почтения. Таков был сделанный против него донос, и он привел к его смерти и сожжению всех его сочинений; те, что нашли в городе, уничтожили эдилы, а остальные – должностные лица во всех других местах. Позже они были вновь обнаружены, так как его дочь Маркия, также как и другие, спрятали некоторые списки, и они вызвали гораздо больший интерес из-за несчастной судьбы Корда [69].

Около этого времени Тиберий показал сенаторам учения преторианской стражи, словно они не знали мощи этих войск; его цель состояла в том, чтобы сильнее запутать их, показав своих защитников столь многочисленными и столь сильными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.